

ВВЕДЕНИЕ

Россия, как самое большое государство мира, не может не занимать значимого места в переплетении судеб, интересов, культур многих народов планеты, а также и самой испытывать разностороннее влияние. В силу своего местонахождения на перекрестке европейской, переднеазиатской и дальневосточной цивилизаций она предрасположена к живому восприятию и усвоению феноменов материальной и духовной культуры пограничных миров, а также к тому, чтобы играть роль своеобразного посредника, не только транслируя, но и трансформируя знания и технологии.

История любого государства представляет собой причудливое и уникальное переплетение бесчисленных нитей, связывающих его культурную ткань с множеством стран света, где они были впервые «спрядены». Подобно другим странам, Россия знала несколько периодов интенсивного внешнего влияния. В эпоху Древней Руси и русского Средневековья заметное воздействие на нее оказали скандинавский, византийский, тюркский миры. Становление и развитие России как империи в XVIII — начале XX в. разворачивалось в тесном общении с миром Европы. Обращение к историческому опыту взаимодействия нашей страны с внешним миром, влиянию последнего на отечественную судьбу представляется важным и насущным сегодня, когда Россия в очередной раз выбирает перспективные ориентиры.

Государства издавна существуют в условиях разнообразных контактов с другими странами. Однако в Новое время человеческой истории интеграционные тенденции стали проявляться с особой силой. Характерной чертой современного мира является высокая степень взаимосвязи и взаимозависимости индивидов, обществ, государств. Заимствование и адаптация знаний, идей, технологий, вещей, самых разнообразных элементов культуры играют ключевую роль в мировом модернизационном процессе. Под «западными заимствованиями» применительно к рассматриваемой истории России подразумеваются инновации, проникавшие в наше государство из стран — пионеров и лидеров процесса трансформации традиционного мира в современный. На разных этапах ими являлись *Нидерланды, Швеция, Великобритания, германские государства, Франция*. Употребление словосочетания «Западная Европа» или синонимичного ему «Запад» апеллирует к сущностному цивилизационному единству этого крупного региона, представленному полифонией экономических, социальных, политических, культурных и конфессиональных различий в объемлемых им странах.

Актуальность изучения темы взаимоотношений России и европейских стран признается исследователями как в нашей стране, так и за рубежом. М.-П. Рэй называет их важнейшим вопросом для России, начиная с царствования Ивана IV (1547—1584) и особенно с правления Петра I (1696—1725)¹. Действительно, петровское царствование открыло новую эпоху в истории России и ее связей с зарубежным миром. Она завершилась революционным сломом 1917 г., после которого отношения Советской России и капиталистического мира стали определяться совсем другими императивами. Поэтому в предлагаемой монографии внимание сосредоточено преимущественно на *имперском периоде отечественной истории — XVIII — начале XX в.*

Созидание Российской империи тесно связано с феноменом модернизации, составлявшим на протяжении последних пяти веков стержневой вектор развития человеческой цивилизации. Суть модернизации заключается в утверждении на исторической сцене современного общества, для которого характерны развитая промышленность, урбанизация, широкий спектр личных свобод, авторитет рационального, научного знания, секуляризация культуры, пришедшие на смену аграрным отношениям и патриархальным ценностям прежней эпохи. Только преобразуя свой вековой уклад в соответствии с военно-технологическими, экономическими, социально-культурными вызовами новой эпохи, Россия могла стать одной из ключевых держав современности, а не их подчиненной. Трансформация традиционного общества в современное осуществлялась посредством диффузии социальных и технических инноваций из центров их выработки (стран Западной Европы) в те общества, которые полагали обладание ими существенными для суверенного поступательного развития. Таким образом, *объектом* исследования является модернизация России XVIII — начала XX в., а *предмет* изучения составляют каналы, процесс и результаты проникновения западноевропейских инноваций в различные области российского общественного бытия.

Вне всякого сомнения, заявленная тема в силу своей многофакторности и объемности представляет серьезную «опасность» для берущегося за ее исследование, открывая широкое поле для упреков в невозможности раскрыть проблему в ее целостности и полноте. Но разве потеряли свою остроту вопросы о месте и роли России в мире, о степени ее зависимости от внешнего мира и собственной способности изменять мир? Напротив, сегодня, в драматической ситуации постимперского существования, утраты приоритетного положения в мировом политическом сообществе, они *актуальны* как никогда. Всегда присутствуя в общественном сознании, наибольшее внимание эти проблемы притягивают в кризисные, пере-

ломные периоды в жизни российского общества, когда с новой силой встает вопрос о радикальных преобразованиях социальных и политических структур, о необходимости выбора путей и средств дальнейшего развития страны. Так было в конце XVII в., в середине XIX столетия, в революционные десятилетия начала XX в. и после крушения Советской империи в конце. А это значит, что стоит предпринять еще одну попытку в бесконечном процессе поиска ответов на эти вопросы, стремясь хотя бы отчасти продвинуться по пути обретения истины.

К названной проблеме обращаются современные мыслители, исследователи, политики и государственные деятели самых различных, иногда прямо противоположных взглядов. Данное исследование опирается преимущественно на научную литературу последних двадцати пяти лет, которые в очередной раз во весь рост подняли вопрос о самоидентификации России в современном мире и ориентирах ее перспективного развития. Для трудов указанного периода характерен рост исследовательского интереса к теме европейцев в российской истории, пришедший на смену резко негативному отношению и избеганию этих вопросов в советской историографии, особенно в период 1940—1960-х гг. Опираясь на результаты проделанного нами ранее *историографического анализа*², можно констатировать, что исследовательский интерес к проблеме использования иностранного опыта в отечественной истории концентрируется преимущественно в двух далеко отстоящих друг от друга областях научного дискурса.

С одной стороны, существует почтенная исследовательская традиция осмысливать взаимоотношения России и Европы в философских и культурологических категориях и теориях. С другой стороны, основательно «вспахано» поле исторической эмпирии: описаны контакты в конкретных отраслях взаимодействия. В то же время проведенный анализ литературы показал, что проблема европейского влияния в отечественной истории до сих пор рассматривалась фрагментарно: авторы выбирали в качестве объекта исследования какое-либо определенное направление заимствований, влияния, взаимодействия, или ограничивали исследование хронологически и географически, либо европейский контекст являлся общим фоном для конкретно-исторического исследования, когда само влияние признавалось, но специально эта тема не разрабатывалась. Откликаясь на отсутствие системного подхода к вопросу, предлагаемая монография охватывает широкий круг заимствований на протяжении всего периода наиболее активной апелляции к западноевропейскому опыту социально-политического, технического, профессионального развития с конца XVII по начало XX столетия.

Кроме того, имеющиеся работы написаны в традиционном ключе: т.е. европейские контакты в той или иной области назывались, описывались, включались в известный исторический контекст. *Методологической основой* данного исследования является концепция диффузионизма, с позиции которой рассматривается влияние различных европейских государств на разнообразные направления отечественной истории³. Перенос и диффузия важнейших инноваций из одной страны в другую является рабочей парадигмой теории модернизации. Модернизация рассматривается как система эпохальных нововведений, возникших в Новое время на территории Западной Европы и распространившихся по всему миру. Диффузия может быть определена как импорт и распространение инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации. В монографии диффузия нововведений в отечественную социальную практику из европейских центров рассматривается как результат распространения инновационной волны, возносящей на гребень прогресса то или иное государство. Народ может вырваться вперед, только воспользовавшись передовыми мировыми достижениями, которые, по определению, концентрируются в мировых центрах процветания и могущества. Любому перемещению географического центра мировой гегемонии предшествует заимствование из ранее сложившихся центров или создание собственных принципиальных инноваций. Катализаторами диффузии инноваций выступают торговля, войны, передвижение населения (в том числе путешествия, профессиональные, учебные поездки, переезд на жительство), искусство⁴, мода. Развитие транспорта и других средств коммуникаций обеспечивают широту, содействуют скорости распространения инноваций.

Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, современные исследователи исходят из того, что в ходе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом, что отражено в тексте книги. Вероятны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения⁵.

Таким образом — *цель исследования* — систематизировать накопленную в историографии информацию о европейских компонентах в различных сферах жизни России в XVIII — начале XX в. и оценить с позиций теории модернизации и ее составной части — концепции диффузионизма — результаты исторического опыта их приложения к отечественным условиям. *Задача работы* — показать каналы и механизмы диффузии инноваций в российский социум,

реакцию общества-реципиента на их проникновение в традиционный уклад жизни, результаты диффузии и ее эффективность, очертить масштабы европейского влияния на отечественную историю изучаемой эпохи, проиллюстрировать наиболее значимые аспекты модернизационных трансформаций, охватить тот круг перемен, инициированных современной западной цивилизацией, в границах которого мы во многом живем до сих пор.

Время показало, что только живо реагируя на новейшие тенденции европейского развития, Россия смогла не только сохранить свой суверенитет, но и стать могущественным государством, империей. В современном тревожном мире наше государство продолжает мучительно искать ориентиры пути своего дальнейшего развития. Серьезную помощь в этом поиске может оказать осмысление богатейшего опыта, накопленного российской общественной мыслью и нашей историей.

Выполнение любого научного исследования подразумевает верификацию его основных посылок и результатов в ходе научных дискуссий и критического рассмотрения с разных позиций.

Автор чрезвычайно благодарен докт. ист. наук, профессору В.П. Тимошенко, докт. ист. наук, профессору А.В. Трофимову, докт. ист. наук С.В. Голиковой, канд. ист. наук И.В. Побережникову, канд. ист. наук С.А. Нефедову, канд. ист. наук Е.Ю. Рукосуеву, В.П. Микитюку, выразившим живую заинтересованность в прочтении и обсуждении рукописи, и внесшим неоценимый вклад в этот непростой и длительный процесс.

Примечания

¹ Rey M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible a Boris Eltsine. Paris, 2002. P. 10.

² Алексеева Е.В. Экзогенные факторы и диффузионные механизмы развития Российской империи: проблемы историографии // Уральский исторический вестник. 2005. № 10.

³ Обстоятельное изложение истории и сути диффузионистских идей см.: Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; Левин М.Г., Токарев С.А. Культурно-историческая школа на новом этапе // Советская этнография». 1953. № 4; Токарев С.А. Венская школа этнографии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 3; <http://www/countries.ru/library/ideas/tck.htm>; Rogers E. M. Diffusion of innovations (4th ed). N.-Y., 1995.

Концепция диффузионизма используется в конкретно-исторических работах: Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев; Москва, 2004; Ofer G. The Modernization of Russia and China // Patterns of Modernity. Vol. II. Beyond the West / Ed. by. S. Eisenstadt. N.-Y., 1987; Wallace A. Technology in Culture: The Meaning of Cultural Fit // Science

in Context. 1995. Vol. 8. № 2; Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь / Отв. ред. Г. К. Вагнер. М., 1989; Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. 2000. № 5—6; Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11; Он же. Реформы середины XVII века: попытка модернизации России по голландскому образцу // Западноевропейские специалисты в России XV—XVII веков. М., 2002; Он же. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4; Алексеева Е.В. Россия и Запад: проблемы общения и взаимодействия культур. Учебно-методический комплекс. Екатеринбург, 2003; Она же. Европейские ориентиры государственных преобразований в Российской империи // Теория, методология и методика изучения и преподавания историко-юридических наук. Вып. 2. Екатеринбург, 2003; Она же. Использование европейского опыта управления государством при Петре I // Вопросы истории. 2006. № 2; Она же. Получение высшего образования россиянами в Европе (XVIII — начало XX в.) // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Сб. науч. ст. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006; Она же. Некоторые результаты и перспективы изучения значения иностранного технологического опыта в создании новых отраслей промышленности и развитии промышленного производства на Урале // Шестые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 20—21 апреля 2006 г. / Под ред. С.П. Постникова. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2006; Она же. Российская экономическая политика и основные тенденции мирового экономического развития (XVIII — начало XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006; Alekseyeva E. From a log house to «an electronic cottage». Dwellings of the Ural workers in modernizing Russia // Habiter l'industrie. Hier, aujourd'hui, demain. Troyes, 2004; Alekseyeva E., Mikityuk V. Les transformations des traditions de la vie quotidienne dans le contexte de la modernization récente en Russie: production et consommation de boissons alcooliques // Les patrimoine des caves et des celliers. Actes du colloque international de l'APIC. Épernay, 2006.

⁴ Диффузии европейской высокой и повседневной культуры в России посвящена наша специальная работа: Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006.

⁵ Побережников И.В. Социальное изменение в теоретических проектах // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 63.

Глава 1. ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИННОВАЦИЙ В РОССИЮ

Модернизация России как экзогенный, «импортированный» процесс глубоко трансформировала устройство отечественного миропорядка. Какими же путями распространялись европейские инновации в России, кто был их носителем и проводником? Прежде всего следует сказать, что географически общение России с Западом шло как напрямую, так и через Польшу, которая будучи славянской страной, но, находясь в теснейшей близости с западноевропейскими странами, глубоко впитывала западную культуру. Элементы западноевропейской цивилизации постепенно усваивались Московской Русью в течение всего XVII в. Рецепция нового опыта через Польшу нашла свое отражение в языке: многие из современных понятий, которыми мы пользуемся до сих пор, попали в русскую речь через посредничество польского языка. Однако прямые контакты между Россией и западноевропейскими государствами (из которых главными акторами модернизационного развития были Нидерланды, Англия, Франция, германские государства) в рассматриваемый период все же наиболее существенны.

Взаимодействие российской и западноевропейской цивилизационных сред осуществлялось через людей — генераторов и главных проводников информации, знаний, опыта, наблюдений. Российские подданные находились на территории западноевропейских стран, а западноевропейцы проживали в России. Диффузия инноваций происходила через определенные каналы, пути, «открываемые» государством и интересами, потребностями общества. Межкультурные и межгосударственные контакты России и европейских стран в XVIII — начале XX в. шли через следующие двухсторонние каналы: дипломатическая деятельность, военные действия, торговля, обучение, деловые поездки, путешествия, семейные узы, искусство, печатные средства информации, профессиональные встречи. Остановимся на наиболее значимых из этих каналов с точки зрения получения, распространения и практического применения новых знаний о модернизирующемся мире в России.

1.1. Россияне за рубежом: масштабы, цели и результаты пребывания

Выезд из России: регламентация и масштабы. «Окно в Европу» из России никогда не было «широко распахнуто». Выезд подданных Российской империи за границу и при Петре I, и при его преемниках строго санкционировался государем. «Выездная» политика ко-

лебалась между Сциллой и Харибдой более или менее массированных «десантов» россиян за рубеж (как это было во время Великого посольства 1697—1698 гг., командировок специалистов для подготовки в зарубежных университетах в XIX в.) и жесткими ограничениями выезда или даже его запретом.

Ограничения на выезд были введены в период Французской революции. В дополнение к этим мерам, в 1789 г. Екатерина II подписала указ, которым устанавливалось усиленное наблюдение за всеми иностранцами-французами в России. Одной из важнейших тем законодательства Павла I стала борьба с проникновением вредных влияний из-за границы. 26 декабря 1796 г. император повелел усилить контроль за приезжающими в Россию иностранцами. В апреле 1798 г. «по причине возникших ныне в иностранных училищах зловредных правил, к воспалению незрелых умов, на необузданныя и развратныя умствования подстрекающих», было запрещено отправлять за рубеж молодых людей на учебу. Всем учащимся за границей было велено в течение двух месяцев вернуться на родину. «Дошло до Нашего сведения, — говорилось в именном указе, — что подданные Наши, в чужих краях учащиеся, под предлогом учебных счетов и их трудов школьных и выписок в образе писем доставляют к родственникам и знакомым своим сочинения такого рода, которые не токмо из числа запрещенных и потому не впускаемых, но из тех, которые цензуре предъявить и потому ввезть нельзя». Ослушникам указа император грозил конфискацией имений¹.

Именной указ «Об устройении цензуры при всех портах, о непропуске без позволения оной привозимых книг и о наказании за непредставление цензорам получаемых газет или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг» содержал развернутое обоснование подобной строгости: «Правительство, ныне во Франции существующее, желая распространить безбожныя свои правила во все устроенныя государства, ищет развращать спокойных обывателей оных сочинениями, наполненными зловредными умствованиями, стараясь те сочинения разными образами разсеять в общества, наполняя даже оными и газеты свои». Были приняты меры по предотвращению разложения армии: именованием указом генерал-прокурору было повелено набирать в рекруты только «природных русских» или представителей присоединенных к России территорий, но ни в коем случае не иностранцев². Запрещалось «всякаго рода фабрикантам делать вообще трехцветныя ленты и всем купцам торговать таковыми под опасением неизбежнаго наказания». Таким образом, в правление Павла I запрещались путешествия за границу, ввоз книг, нот и других изданий, ношение определенных видов одежды и использование слов, ассоциировавшихся с событиями во Франции (гражданин, отечество).

Выезд жителей империи за рубеж ограничивался в 1825—1826 гг. В 1827 г. Николай I настоял на том, чтобы за границу посылали людей чисто русского происхождения, а в 1830 г. издал указ, предписывавший школьникам от десяти до восемнадцати лет учиться только в России. Он также ввел высокую плату за паспорта. Начиная с февраля 1831 г., молодым дворянам не разрешалось оставаться за границей для продолжения учебы, за исключением тех, кто получил специальное дозволение императора. Указ, появившийся в апреле 1834 г., запрещал дворянам находиться за пределами Российской империи более пяти лет под угрозой конфискации их имущества (для недворян этот срок составлял три года). Процедура оформления выездных документов требовала времени и денег. После революции 1848 г. все западное прямо объявлялось крамолой. Таким образом, запреты на свободный выезд повторялись в середине 1820-х гг.; в 1831 г.; в конце 1840 — начале 1850-х гг., что было непосредственно связано с политической обстановкой в Европе. В до-революционной России действовала ст. 325 «О недозволенном оставлении отечества» Уложения о наказаниях. Согласно ей, переход российских граждан в другое гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего надо было ходатайствовать о продлении срока. В противном случае человек считался потерявшим гражданство, его имущество переходило в опекуновское правление, а сам он, вернувшись в Россию, подлежал вечной ссылке. Лишь Александр II подал российской элите несколько знаков, свидетельствовавших о послаблении ограничений в отношении связей с Европой. Он смягчил цензуру, разрешил вновь дворянам свободно путешествовать по Европе.

Официальная статистика выезжавших за границы Российской империи, особенно в XVIII в., отрывочна и неполна, и еще ждет своего исследователя. Цифры россиян, выезжавших за рубеж, указываются историками фрагментарно, к тому же трудно различить потоки уезжавших безвозвратно и возвращавшихся после поездок различного характера на родину. Количество россиян, ежегодно покидавших рубежи империи, варьировало от нескольких десятков в начале XVIII в. до нескольких десятков тысяч человек в конце XIX — начале XX в.

Процесс этот берет истоки в Великом посольстве в страны Западной Европы 1697—1698 гг. и подготовки к нему. В ноябре 1696 г. был оглашен указ царя — о посылке на учебу в Европу (в порядке принудительной мобилизации) нескольких десятков отпрысков знатнейших семейств. 39 стольников отправлялись в Италию, 22 — в Голландию и Англию. За единственным исключением все они были представителями виднейших русских семейств (почти 40% из них носили княжеские титулы). Всего в рамках подготовки Велико-

го посольства предполагалось отправить на учение не менее 128 человек³. По подсчетам И. и Д. Гузевичей, общее число русских подданных и иностранцев на русской службе, принимавших участие в «большой акции Великого посольства» за пределами России приближалось к 400. С учетом временного служебного персонала это число возрастает до 1,5 тыс.⁴.

Члены посольства в течение полутора лет знакомились с техническими, промышленными, военными, архитектурными объектами, административными, благотворительными, культурными и религиозными учреждениями Европы. В результате их пребывания за рубежом участниками посольства был осмыслен опыт сооружения фортификационных комплексов, arsenалов, цейхгаузов, верфей, адмиралтейств, монетного двора, промышленных предприятий (литейных дворов, оружейных и железоделательных заводов, лесопильных мельниц, часовых и компасных мастерских, табачных мельниц, полотняных фабрик, соляных копей). Россияне осматривали также музеи, где знакомились с самыми разнообразными коллекциями (только в Амстердаме ко времени Великого посольства было более 40 кунсткамер), ботанические сады, библиотеки, учебные заведения, научные организации. Они посещали различные представления — театральные, музыкальные, цирковые. Любовались архитектурой, художественными произведениями и образцами садово-паркового искусства. Были они в богадельне, доме для умилившихся, воспитательном доме для сирот и незаконнорожденных, госпитале для инвалидов⁵.

Участники Великого посольства в большинстве своем сделали достаточно успешную карьеру и имели возможность влиять на развитие различных отраслей государственной жизни, используя опыт своего пребывания в Европе. В. Корчмин и Г. Скорняков-Писарев достигли генерал-майорских чинов и вошли в число первых русских инженеров. И. Головин стал обер-сарваером (высший чин в судостроении); Ф. Складьев и Г. Меншиков — крупными судостроителями; переводчик П. Шафиров — вице-канцлером государства; А. Имеретинский и Я. Брюс — генерал-фельдцейхмейстерами; С. Нарышкин — генерал-аншефом и дипломатом; Н. Синявин — контр-адмиралом; Б. Шереметев — генерал-фельдмаршалом; Б. Куракин — крупным дипломатом; С. Колычев — президентом Юстиц-Коллегии и герольдмейстером⁶. Среди обучавшихся в Италии и Голландии стольников, отправленных туда Петром в рамках Великого посольства, были Д. и Ф. Голицыны, А. Репнин, Ю. Хилков, И. Гагин, Б. Куракин. Последний стал позднее действительным статским советником, одним из виднейших дипломатов эпохи и активным «западником»⁷. Всего обучение, т.е. процесс «сознательной и форсированной передачи информации с помощью орга-